

А. С. Маркова (Москва, РГГУ)

**Магия и символ: преобразование в «бесконечно значимом ряду смыслов»
(на материале транскультурного символа голубого цветка)**

Один из основных вопросов, которые ставятся поэтологией как «концентрированной и ёмкой формой выражения художественного сознания» [Тростников М. В. 1998, С. 5], это вопрос о роли творца в искусстве и творчестве. Для Новалиса этот вопрос не просто предполагал вариативность (сводящуюся в целостность), но и был значим как целевая установка: возможности магического преобразования посредством слова поэта. И эти волшебные изменения невозможны без созвучия с мировым ритмом, так как само творчество начинается «именно в тот момент, когда поэт ощутит в себе ритм мироздания» [Махов А.Е. 2019, С. 21]; без соприкосновения с прекрасном, воплощённом в символе.

В данной работе мы постараемся рассмотреть вопрос, как взаимодействие перформатива и установки на магическое свойство вербального высказывание с одной стороны и апелляция к символу с другой – позволяют создать необходимый контекст для преобразования в «бесконечно значимом ряду смыслов» [Бройтман С. Н. 2004, С. 148].

В диссертационном исследовании Е. В. Давыдова, исследователь творчества Новалиса и рецепций образа голубого цветка в отечественной литературе, подчеркивает, что «когда Новалис говорит о волшебном, магическом, он всегда говорит о поэзии. Причем в выражениях типа “волшебная сила поэзии”, “в поэзии каждое слово есть слово заклѣтия”, типичных у Новалиса, слова “волшебный”, “заклѣтие” употребляются не в переносном смысле, не в смысле “прекрасный”, а употребляется в прямом значении. Для Новалиса поэзия наделена не просто силой эстетического воздействия на читателя, но силой воздействия на мир, силой изменения этого мира» [Давыдова Е. В. 2001, С. 90-91].

Эта сила обретается поэтом в созвучии с мирозданием, с космическим ритмом, однако именно воля и желание позволяют создавать произведения искусства и открывают путь к бессмертию. По замечанию А. Е. Махова, «понятие желания и воли у Новалиса связаны неразрывно. Любимо новалисовское утверждение – “человек может, что хочет”, – нередко сопровождается рассуждениями о совершенстве и разумности воли или о необходимости сделать свою волю совершенной и разумной» [Махов А. Е. 2017, С. 192]. Воля в данном контексте приобретает такую значимость, что способна управлять жизнью и открывать путь в бессмертие, которое «позднее, когда у Новалиса выкристаллизовывается идея воли как искусства, бессмертие понимается как художественное произведение. [Махов А. Е. 2017, С. 194].

Текстологически такое концентрированное волеизъявление должно иметь явное выражение. И оно обретается в «магическом слове» и «мифическом символе» [Лосев А. Ф. 2016, С. 80].

Под магическим словом мы понимаем перформатив, так как «перформативные жанры – это жанры непосредственного действия словом, осуществляющего изменение (заново “перформатирующего”) саму коммуникативную ситуацию общения. Таковы клятвы и проклятия, приказы и просьбы, жалобы, благословения, приветствия, разрешения, обещания, благодарности, завещания и т.п.» [Тюпа В. И. 2011, С. 114].

Роман «Генрих фон Офтердинген» открывается двумя поэтическими произведениями. Обратим на них внимание. Первое, «Посвящение», представляет собой воззвание к возлюбленной (которое мы также можем понимать как посвящение музе) и завершается строкой: «Мой тихий ангел, будь моей судьбой!» [Новалис 1998, С. 11]. Перформатив определяет дальнейший путь поэта и открывает роман.

Второе стихотворение связано с символом. Строки: «Таинственно поэзия целит/ Нас всех преобразованием бесконечным» [Новалис 1998, С. 11]

– почти в точности сопоставимы со свойством символа, который «способен разворачиваться в бесконечно значимый ряд смыслов» [Бройтман С. Н., 2004, С. 148]. Эту мысль мы находим и у А. Н. Веселовского, который писал «символ растяжим, как растяжимо слово для новых откровений мысли» [Веселовский А. Н. 2017, С. 179]. И далее находим уточнение: «Элемент предания и отличает символ от искусственно подобранного аллегорического образа: последний может быть точен, но не растяжим для новой суггестивности, потому что не покоится на почве тех созвучий человека и природы, на которых построен народно-поэтический параллелизм» [Веселовский А. Н. 2017, С. 179].

«Элемент предания», то есть укоренённость в синкретической эпохе, позволяет голубому цветку (который, воплощаясь в легендах и преданиях [Grimm J. 1854, S. 923-924], был частью национальной германской культуры задолго до написания романа «Генрих фон Остердинген») стать центральным образом художественной системы Новалиса, символом немецкого романтизма и находить воплощение в дальнейших рецепциях.

Отметим важность именно взаимодействия перформатива и символа в творчестве Новалиса, которые являются основой магической природы его произведений. Так, одно лишь использование символа без перформатива создаёт ощущение бессмысленности исканий, подтверждение чему мы встречаем у Й. Эйхендорфа «Голубой цветок» («Die blaue Blume») [Eichendorff J. 1962, S. 393]. Лирический субъект сообщает, что несмотря на то, что он надеялся и доверял своему чутью (Hab lang gehofft, vertraut), однако так и не нашёл голубого цветка, что создаёт иронический контекст.

Со словом, которое должно являться перформативом, но по сути им не является, связано и стихотворение М. Цветаевой «Дама в голубом» [Цветаева, электронный ресурс]. Лирический персонаж, мальчик Эрик, надеется, что над предгрозовой природой пронесется вдруг колокольный звон. Он произносит: «Верю». Но на самом деле ждёт подтверждения своей

веры в чуде. Явление дамы в голубом, которая замечает: «Верящий чуду не верит вотще», сродни появлению голубого цветка. Вспомним, что образ Богородицы был значим для Новалиса. В эссе «Христианство или Европа» поэт мечтал о «покрове Девы» [Новалис, 2003, С.143], способном объединить Европу. Также и голубой цвет традиционно, по мнению М. Пастуро, связан в европейской культуре с Девой Марией [Пастуро 2020, С. 33]. Поэтому мы можем рассматривать данный образ как коннотационно близкий к голубому цветку. Встреча с Дамой возвращает лирическому персонажу веру, и он даже слышит невидимые колокола. Однако образ Дамы в стихотворении Цветаевой скорее аллегоричен, чем символичен, так как утрачивается его глубина и связь с мифом. Так же, как и перфоматив, он лишь намечен.

В стихотворении А. Блока «В углу дивана» [Блок А. 1946, С.311-312] слово «Верь» вновь обретает всю силу перфомативного высказывания. Лирический субъект, утверждающий себя поэтом, возвещает о том, что ему подвластна трансформация посредством слова. «Любые маски» готовы явиться по зову поэта, и каждая – уронить голубой цветок. Символ и перфоматив вновь придают лирике силу магического слова.

Подытожим. Перфомативная лирика предполагает осознание роли творца в художественном произведении как демиурга, способного приравнять слово к делу. Поэтология Новалиса сочетает в себе активное начало воли, выраженной в перфомативе, с чуткостью: возможностью слышать ритм мироздания. Эта чуткость находит воплощение в образе голубого цветка. Голубой цветок, будучи укорененным в народной культуре, становится символом не только для Новалиса, но и для многих других поэтов. Однако «магия» образа обретается лишь тогда, когда он сохраняет связь с мифом и имеет силу перформативного высказывания.

Список литературы:

1. Блок А. А. Полное собрание стихотворений в двух томах / Александр Блок ; вступ. ст., ред. и примеч. Вл. Орлова. - [Л.] : Советский писатель, 1946-____. - (Библиотека поэта / Основана М. Горьким)
2. Бройтман С. Н. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш.учеб. заведений : В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тamarченко. – Т. 2: С. Н. Бройтман. Историческая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Ред.вступ.ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд.стереотип. – М. : Издательство ЛКИ, 2017. – 648 с.
4. Давыдова Е. В. Голубой цветок и русский символизм. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. канд. филол. наук. М., 2001. 192 с.
5. Махов А. Е. Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII-XIX веков. – Тула: Аквариус, 2017. – 305 с.
6. Махов А.Е. Поэтологическая топика во фрагментах Новалиса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. С. 19–29.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
8. Новалис. Генрих фон Офтердинген; Гимны к ночи; Новалис. Духовные песни; Бонавентура. Ночные бдения; Гофман Эрнест Теодор Амадей. Эликсиры дьявола / Пер. с нем. В. Микушевича; Пролог и комментарий В. Микушевича; Сост. В. Микушевич. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 512 с.
9. Новалис. Христианство, или Европа. Фрагмент. Генрих фон Офтердинген.(Heinrich von Ofterdingen). М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 134–145.
- 10.Пастуро М., *Синий. История цвета.* / Мишель Пастуро; пер.с фр. Н. Кулиш 4-е изд. – М., Новое литературное обозрение, 2020. – 144 с.
- 11.Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш.учеб. заведений : В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тamarченко. – Т. 2: С. Н. Бройтман. Историческая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
- 12.Тростников М.В. Поэтология. Дисс. на соискание степени доктора по культурологии. Автореферат. Российская академия наук. Российский институт культурологии. М., 1998. с. 47
- 13.Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013 – 211 с.
- 14.Цветаева М. И. Дама в голубом. [Электронный ресурс] URL: [Дама в голубом \(tsvetayeva.com\)](http://tsvetayeva.com) (Дата обращения: 14.10.22)
- 15.Eichendorff J. Gesammelte Werke in 3 Bd. Berlin, 1962. Bd. 1. 557 S.
- 16.Grimm J. Deutsche Mythologie: [2 Bde.]. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1854